

УДК 343.236:343.241

А.Т. Байсеитова

Начальник кафедры педагогики и психологии ОВД Алматинской академии МВД Республики Казахстан,
к.ю.н., подполковник полиции, Казахстан, г. Алматы
E-mail: baliya76@mail.ru

Меры уголовно-правового воздействия в истории уголовного права

В данной статье автором рассматриваются исторические аспекты развития иных мер уголовно-правового воздействия в уголовном праве в различные периоды времени.

Ключевые слова: наказание, исторический анализ, меры уголовно-правового воздействия, иные меры уголовно-правового характера.

А.Т. Bayseitova

Measures under criminal law in the history of criminal law

In this article the author discusses the historical aspects of the development of other measures of criminal law in criminal law at different times.

Key words: punishment, historical analysis, measures under criminal law, other measures of criminal law.

Ә.Т. Байсейітова

Қылмыстық құқықтың тарихында заңнамадағы қылмыстық-құқықтық ықпал ету шаралары

Мақалада қылмыстық-құқықтық әсердің өзге шаралары дамуының тарихи аспектілері қылмыстық құқықта уақыттың түрлі кездеріне қарастырылады.

Түйін сөздер: Қылмыстық кодекс, қылмыстық-құқықтық шараларының жүйесі, жаза, қылмыстық-құқықтық ықпал ету шаралары.

Для того чтобы получить полное представление о системе мер уголовно-правового воздействия, мы должны досконально изучить не только институт наказания, но и основания освобождения от наказания, иные меры уголовной репрессии, суметь отразить через описание используемых конкретных мер уголовного принуждения стремления людей найти наиболее эффективные меры воздействия, которые к тому же не являлись бы слишком суровыми, «избыточно» жесткими.

Вместе с тем нельзя не вспомнить о том, что более чем суровые наказания в истории человечества не только существовали, но и имели определенное идеологическое обоснование. Так, например, в соответствии с древнеафинскими за-

конами Драконта, за любые правонарушения (и малые, и большие) назначалось только одно наказание – смерть. Согласно легенде, когда Драконта спрашивали, почему его законы такие строгие, он отвечал: «Ни меньшего, ни большего наказания я придумать не мог». Поэтому говорили, что «Драконтовы законы писаны не чернилами, а кровью» [1, с. 79].

Широко известно также высказывание древнекитайского философа Шан Яна о необходимости установления жестких наказаний: «Наказания порождают силу, сила порождает могущество, могущество порождает величие, вселяющее трепет, а величие, вселяющее трепет, порождает добродетель. Итак, добродетель ведет свое происхождение от наказания» [2, с. 435].

Несомненно, что интерпретация сущностного содержания категории «уголовное наказание» основывается на различных типах правопонимания, поскольку напрямую зависит не только от уровня развития общества, но и сложившейся в нем системы отношений, правовой культуры, политических и иных социальных институтов.

В соответствии с этим уголовное наказание на первоначальных этапах развития государства отождествляется с самим правом государства в лице его правителя на насилие, а идея защиты интересов общества не только оправдывает применение такого насилия, а делает его фактически неограниченным. Поэтому можно отметить, что отношение к проблемам наказания в философии Древнего Китая абсолютно соответствовало существовавшим общественным отношениям – беспрекословному подчинению подданных своему государю.

Аналогичного мнения о том, что справедливость, прежде всего, призвана обеспечить стабильность общества, разделенного на классы, придерживались также и древнегреческие философы. Например, одной из добродетелей считал справедливость Сократ. Истинная справедливость, по Сократу, знание того, что хорошо и прекрасно, вместе с тем и полезно человеку, а также знание, как соблюдать законы божественные и человеческие. Но только люди «благородные» могут претендовать на знание, а рабочему, ремесленнику, земледельцу, т.е. всему демосу (не говоря уж о рабах), такое знание недоступно [3, с. 102].

В странах, где буржуазия пришла к власти, она осуществила ряд реформ, в т.ч. по обновлению и упорядочению уголовного законодательства, некоторой гуманизации карательных систем. Сначала в Уголовном кодексе Франции 1791 г., а затем в УК Наполеона 1810 г. и в законодательных актах других стран, где развивались капиталистические отношения, появляются так называемые «лестницы» наказаний – исчерпывающе определенные перечни карательных мер, расположенных по степени их относительной тяжести. Разрабатываются первые классификации наказаний по видам и родам, впервые осуществляется подразделение их на главные, или основные, которые «выражают сущность кары и имеют самостоятельное значение», и дополнительные, призванные усиливать строгость главных.

Таким образом, впервые в законодательстве появляется понятие «дополнительное наказание», и впервые ограничивается право суда назначать сочетания различных мер наказания по своему произволу. Буржуазия отказалась от квалифицированных форм смертной казни, членовредительских и калечащих наказаний, от конфискации имущества, вместо них стали чаще применяться наказания, поражавшие свободу осужденных.

Низкая эффективность применения наказания в отношении некоторых категорий правонарушителей становилась причиной появления средств воздействия, основанных на индивидуальных особенностях личности.

Так, в 18 веке в качестве правового последствия совершения преступного деяния было закреплено принудительное лечение психических больных преступников.

В 1761 году по велению Петра III «безумных» следовало «не в монастырь отдавать, но построить на то специальный дом [4, с. 26].

В 19 веке процесс поиска уголовно-правовых мер, дополнительных к наказанию, отличных от него, получил свое дальнейшее развитие.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных (1845 г.), а позже и Уголовное Уложение (1903 г.) предусматривали в качестве правовых последствий совершения преступления:

1) меры воспитательного характера, применяемые к несовершеннолетним (ст. 41 Уложения 1903 г.);

2) меры принудительного лечения в отношении лиц, совершивших преступные деяния и страдающих психическим расстройством (ст. 39 Уложения 1903 г.);

3) специальную конфискацию имущества (ст. 36 Уложения 1903 г.), а также ряд других мер уголовно-правового воздействия, не являющихся наказанием (карой), не содержащих в себе отрицательной оценки вины лица, совершившего преступное деяние [5, с. 28].

Таким образом, к этому времени уже сложилось понимание того, то наказание не является универсальным средством борьбы с преступностью, а требование воздать лицу по заслугам постепенно отступает на второй план относительно требования предупредить совершение преступления.

На важность данного вопроса указывал и Н.С. Таганцев, подчеркивая в «Курсе уголовного

права», что «серьезным представляется вопрос о мерах, которые государство может и должно принимать против лиц, учинивших преступное деяние в состоянии невменяемости, так как, освобождая их от наказания, государство не может, однако, допустить, чтобы, оставаясь на свободе, они грозили злом и бедой окружающим» [6, с. 117].

Появление подобных мер стало характерным явлением для законодательств большинства европейских государств 18-19 веков. Именно этот период ознаменовался возникновением так называемых мер социальной защиты – мер безопасности, то есть мер государственного принуждения, обоснованных исключительно общественной опасностью лица.

Теоретическое обоснование «мер социальной защиты» (меры безопасности) получили благодаря таким европейским ученым, как Ф. Лист, А. Принс, М. Ансель, Э. Гарсон. При этом, как указывает Н.В. Щедрин, необходимость и допустимость применения таких мер обосновывалась, в первую очередь, практическими интересами общественной безопасности и потребностью предупреждения совершения общественно-опасных деяний. Так, по мнению Ф. Листа, «наказание отдельного деяния в соответствии с мерой вины для привычного преступника мало. Для соблюдения принципа справедливости адекватного деянию возмездия недостаточно. Необходима еще защита общества» [7, с. 100], которая как раз и находит свое проявление в «мерах социальной защиты».

В советский период идеи о «праве безопасности» не получили нормативного закрепления. После Октябрьской революции 1917 года была кардинально изменена вся система мер уголовного воздействия. При этом меры безопасности не исчезли, но, в силу изменившихся реалий, превратились в политические средства.

Так, при принятии Основных начал уголовного законодательства СССР и союзных республик 1924 года отмечалось, что задача защиты трудящихся от общественно опасных деяний, подрывающих власть трудящихся или нарушающих установленный ею порядок, должна решаться исключительно при помощи мер социальной защиты [8, с. 199]. При этом меры социальной защиты могли назначаться и без совершения лицом преступления, а лишь при наличии у него особо опасных качеств.

Законодатель при этом все же выделял в са-

мостоятельную группу другие меры социальной защиты: помещение в учреждения для умственно или морально дефективных, принудительное лечение, воспрещение занимать ту или иную должность, либо заниматься той или иной деятельностью или промыслом, удаление из определенной местности – тем самым указывая на особый статус других мер, которые невозможно было отождествить с наказанием.

Советское законодательство даже расширило институт принудительного лечения, добавив помимо возможности принудительного лечения хронических алкоголиков и наркоманов, совершивших преступление, также лиц, больных венерическими заболеваниями [9, с. 227].

В советский период, по верному замечанию Н.Ф. Кузнецовой, «отличие мер безопасности от наказания игнорировалось не только на законодательном уровне, но и в теории права, что обуславливалось, скорее всего, принадлежностью данного понятия к «буржуазной социологической школе» [10, с. 445].

Игнорирование на протяжении длительного времени принципиальных различий в правовой природе наказания и иных уголовно-правовых мер привело, по мнению Н.В. Щедрина, к тому, что «если сто лет назад (в начале 20 века) термин «меры безопасности» был понятен каждому российскому юристу, то нынешнему поколению правоведов его приходится объяснять» [11, с. 41].

Таким образом, принято называть противодействием преступности. При этом для осуществления полноценного противодействия совершению преступлений недостаточно только лишь восстановления справедливости и общего предупреждения, требуется также возмещение причиненного вреда, частная превенция и даже ресоциализация лица, совершившего преступление. Основным же содержанием данной деятельности выступает применение мер уголовно-правового воздействия.

Лишь в 1950-х годах в советской юридической литературе стали появляться отдельные работы, посвященные правовой природе уголовно-правовых мер, отличных от наказания.

Так, на отличие правовой природы мер медицинского и воспитательного характера от наказания указывал в своих работах М.Д. Шаргородский. Он считал, что «наказание ставит своей целью покарать, исправить преступника, а меры медицинского характера – излечить больного и

защитить общество от опасных действий, допущенных им вследствие своего болезненного состояния» [12, с. 222].

Термины «меры безопасности», «специально-предупредительные меры» встречаются во многих работах того времени (С.Я. Улицкий, А.Л. Ременсон, В.И. Горобцов, А.В. Усс и др.).

Однако отдельные исследования различных мер уголовно-правового воздействия так и не привели к появлению теории, которая бы обосновывала применение мер безопасности как

самостоятельного института уголовного права.

На наш взгляд, проведение анализа исторического развития иных мер уголовно-правового характера дает все основания сделать вывод о том, что данные меры представляют собой исторически сложившийся метод правового воздействия, отличный от уголовного наказания не только по целям, но и по механизму воздействия. Он используется, когда применение наказания нецелесообразно и объективно не может достичь поставленных перед ним целей уголовно-правовой защиты.

Литература

1. Гаспаров М.Л. Занимательная Греция. – М.: Терра, 2009. – 416 с.
2. Общая теория права и государства: учебник / под ред. В.В. Лазарева. – М.: Юрист, 2000. – 520 с.
3. Гроздилов С.В. Эволюция представлений о справедливости в мировоззрении древних греков // Вестник АПК Верхневолжья. – 2008. – № 4. – С. 99-103.
4. Спасенников Б.А. Принудительные меры медицинского характера. История, теория, практика. – СПб.: Изд-во «Юрид.центр Пресс», 2003. – 412 с.
5. Уголовное уложение, Высочайше утвержденное 22 марта 1903 года. – СПб.: Издание юридического книжного склада «Право», 1903. – 336 с.
6. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. – Тула: Автограф, 2001. Т. 1. – 800 с.
7. Лист Ф. Задачи уголовной политики. Преступление как социально-патологическое явление. – М.: Инфра-М, 2009. – 103 с.
8. Постановление ЦИК СССР от 31 октября 1924 года // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР, 1917-1952 гг. / под ред. И.Т. Голякова. – М.: Госюриздат, 1953. – 463 с.
9. Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР, 1917-1952 гг. / под ред. И.Т. Голякова. – М.: Госюриздат, 1953. – 463 с.
10. Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность // Избранные труды. – СПб.: Юрид.центр Пресс, 2003. – С. 400-532.
11. Щедрин Н.В. Введение в правовую теорию мер безопасности. – Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 2000. – 180 с.
12. Шаргородский М.Д. Вопросы Общей части уголовного права (законодательство и судебная практика). – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1955. – 254 с.

References

1. Gasparov ML Interesting Greece. – Moscow: Terra , 2009 . – 416.
2. General Theory of Law and State: the textbook / Ed. VV Lazarev. – M.: Yurist, 2000. – 520.
3. Grozdilov SV The evolution of ideas of justice in the outlook of the ancient Greeks // Bulletin of the Upper AIC . – 2008 . – № 4. – S. 99-103 .
4. Spasennikov BA Compulsory medical measures. History, Theory, Practice. – St. Petersburg. Univ «Yurid.tsentr Press », 2003. – 412 .
5. Criminal code, the highest approved March 22, 1903. – S.Pb.: Publication of legal bookstore «Right» , 1903 . – 336.
6. Tagantsev NS Russian criminal law. – Tula: Autographs, 2001. T. 1. – 800.
7. Liszt F. Tasks criminal policy. Crime as a socio- pathological phenomenon. – Moscow: Infra-M , 2009 . – 103 .
8. Resolution of the USSR Central Executive Committee on October 31, 1924 // Collection of documents on the history of the criminal legislation of the USSR and the RSFSR , 1917-1952 gg. / Ed. IT Golyakova . – M.: Gosyurizdat , 1953 . – 463 p.
9. RSFSR Criminal Code 1926 // Collection of documents on the history of the criminal legislation of the USSR and the RSFSR, 1917-1952 gg. / Ed. IT Golyakova . – M.: Gosyurizdat, 1953. – 463 p.
10. Kuznetsova NF Crime and crime // Selected Works. – St. Petersburg: Yurid.tsentr Press, 2003 . – S. 400-532 .
11. Shchedrin NV Introduction to the legal theory of security measures. – Atlanta: Publishing House of the Krasnoyarsk State University, 2000. – 180 With.
12. Shargorodskii MD Common questions of the criminal law (law and practice). – Leningrad: Publishing House of Leningrad State University, 1955 . – 254.